

Александра Глазкина

**ЛАВАНДОВОЕ
СЕРДЦЕ**

Александра Глазкина

Лавандовое сердце

«Издательские решения»

Глазкина А.

Лавандовое сердце / А. Глазкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503994-1

Лавандовая ферма — идеальное место для романтики и чудес, вот только мне ни того, ни другого, похоже, не дожидаться! Я здесь лишь для того, чтобы работать, не поднимая головы и терпеть хамство и неприязнь хозяйского сына, циничного и уверенного, что он может за меня решать, как мне жить, что говорить и даже — в кого влюбляться! Но я готова терпеть, ведь у меня есть цель, о которой он даже не подозревает...

ISBN 978-5-00-503994-1

© Глазкина А.
© Издательские решения

Содержание

1. За меня решает подруга	6
2. За меня решает поверенный	12
3. За меня решает упрямство	16
5. За меня решает любопытство	23
6. За меня решает сбой связи	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лавандовое сердце

Александра Глазкина

© Александра Глазкина, 2019

ISBN 978-5-0050-3994-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. За меня решает подруга

В жизни есть много вещей, значение которых трудно переоценить. Например, чашка ароматного кофе после бессонной ночи. Зонт, случайно захваченный с собой как раз в тот день, когда неожиданно полил дождь. Или дружеское участие, когда тебя только что выгнали с работы. В случае с Селестой «поддержка» выглядела своеобразно: на стене висел плакат с персонажем из детского мультика. У персонажа было лицо моего бывшего мужа (вырезанное, видимо, из общей фотографии). И теперь тот, из-за кого я всего лишилась, обзавелся мохнатым фиолетовым пузиком и тремя парами остроконечных ушей. Выглядело это зрелище весьма комично, но апофеозом выдумки стало то, что Селеста протянула мне дротик.

- Целься прямо в наглуемую морду! – напутствовала она. – Сразу полегчает!
- Вообще-то я собиралась обсудить с тобой свои рабочие проблемы, – заметила я.
- Да, но начались-то эти проблемы из-за Клауса! – резонно заметила подруга.

Я горько вздохнула. После развода я лишилась не только квартиры и шанса получить гражданство, но и права на квалифицированную деятельность. Статус переселенца позволял работать лишь на самых скромных должностях: уборщицы, посудомойки, официантки... Именно в такой последовательности складывался мой трудовой путь в забегаловке пана Збышека. И закончился этот путь бесславно – в подсобке, где я осталась с разорванной блузкой, а хозяин – с щекой, пламенеющей от моей пощечины. Вырваться мне удалось, но, как я понимала, возвращаться мне теперь некуда.

Я вяло потыкала дротиком в плакат, нацарапав Клаусу еще и усы. Не помогло. Сейчас на его месте я с куда большим удовольствием представила холеное лицо пана Збышека, человека, всего три месяца назад уверявшего, что в его кафе меня ждет самая дружественная атмосфера. И сегодня, после вереницы сальных комплиментов и двусмысленных улыбочек, он, так сказать, наглядно продемонстрировал мне, насколько «дружественная»...

– Не, ну, кремень, – выдала Селеста, выслушав мою сбивчивую историю, – три месяца продержался! Да будь я мужиком, я б тебя в первый же вечер зажала где-нибудь в укромном уголке! Знаешь, как возбуждающе на мужчин униформа действует. Все эти кружевные наколки, коротенькие фартучки...

– Вообще-то я носила джинсы и белую блузку, застегнутую под горло, и, если бы ты за все это время хоть раз удосужилась посетить кафе, ты б об этом знала.

– Ну, уж, нет, – Селеста наморщила нос, – кормят там отвратительно. Один только плюс – за чистоту посуды можно было не переживать, пока ты ее там мыла. Ну, джинсы с блузкой – тоже ничего. Знаешь, такое сочетание строгости и соблазна...

– Ты озабоченная! – фыркнула я. – А можешь перевести ход своих мыслей и подумать, что мне делать дальше?

– Просто Юрек задерживается в командировке, – непоследовательно ответила она, – я скучаю... Зато знаешь, потом мы...

– Стоп!

Я демонстративно зажала уши. У Селесты было мало недостатков, но среди них числилось неумное желание делиться интимными подробностями их с мужем жизни, а для меня это чересчур.

– Что делать? Что же делать? На биржу труда ты ходила?

– Ходила. Пособие назначат только через месяц. А вакансии – одна другой краше: маляр, сортировщик на почте... Я так больше не могу! Я тупею и трачу здоровье! Нет, я понимаю, что в моей ситуации – не до выбора, но я так устала...

– Но и есть и хорошая новость! – бодро объявила Селеста.

Я с надеждой подняла глаза:

– Да? И какая же?

– Если все так плохо, то теперь меняться может только к лучшему!

– «Я думал, это дно, но снизу постучали», – процитировала я. – Что-то не очень верится во всю эту ерунду с позитивным мышлением!

Селеста осторожно забрала из моих рук дротики, которыми я, оказывается, машинально стучала по вышитой скатерти, и, вздохнув, вышла из комнаты. Вернулась она буквально через минуту и протянула мне ворох бумаг с водяными знаками нотариальной конторы.

– На! От сердца отрываю!

– Что это? Ты получила наследство от заокеанской тетушки?

– Не совсем. Но это – реальный шанс хорошо заработать!

Я пробежала контракт глазами, но сдалась перед обилием шаблонных фраз и казенного слога.

– Можешь нормальным человеческим языком объяснить, что ты мне подсовываешь?

– Продаю тебя в рабство.

– Селеста!

– Ладно-ладно, – смеясь, отмахнулась подруга. – Шерстила я тут информаторий на предмет того, как ухаживать за новым капризным сортом своей орхидеи и наткнулась на форум, где обсуждают всякую всячину. Ну, знаешь, куплю б/у косилку, продам новые садовые ворота, и так далее. И вот там наткнулась на объявление, что хозяйке небольшой цветочной фермы под Спишнево требуется помощница.

– От нас до Спишнево двести километров!

– Меня это тоже удивило, но как потом выяснилось, особым требованием было то, чтобы помощница была не из хутора.

– Ага, видимо, всех местных хозяйка отпугнула своим дурным характером и бородавками на носу. Я не совсем понимаю...

– Подожди, – взбудоражено перебила меня Селеста, – в общем, я позвонила, и там не злобная хозяйка, а хозяин, причем вполне себе милый. В общем, ферму держали его родители. Отец недавно умер, и мать осталась одна. И вот он ей ищет помощницу. А местных не хочет, как я поняла, из-за сплетен. Ну, знаешь, как обычно бывает, для хуторских свадьба и похороны – главные темы, чтобы косточки перемыть. В общем, я прошла собеседование, он прислал мне контракт, пока на полгода, а потом – как себя зарекомендую.

Я смотрела на сияющую подругу и понимала, что после ее сбивчивой речи вопросов у меня только прибавилось.

– Так, а я при чем?

Она вздохнула:

– Вот ты тугодум! Поедешь вместо меня! Видишь, я в контракт еще ни свое имя не вписала, ни реквизиты.

– Да? И как ты объяснишь подмену своему работодателю?

Селеста дотянулась до информера и, не давая мне опомниться, набрала номер. Она включила громкую связь, и пару минут мы наслаждались долгими равномерными гудками. Но как только я облегченно вздохнула, что авантюра не состоится, невидимый собеседник трубку все-таки снял.

– Да? – рявкнул раздраженный мужской голос.

– Пан Тамм, это Селеста Отс, – затараторила она, – мы договаривались, что с десятого апреля я приступаю к работе помощницы на ферме вашей матушки?

– И что? Вы передумали?

– Нет, что вы! Я бы с радостью поехала, но дело в том, что вчера... я упала с лестницы, да-да, с лестницы, со второго этажа. Да так неудачно, что врачи говорят – месяц полного покоя.

В трубке воцарилось напряженное молчание.

– То есть, приехать вы не сможете? – наконец, осведомился все тот же тяжелый голос.

Гений мысли!

– К моему огромному сожалению, нет, но мне так неловко, что я невольно вас подвела! Дело в том, что моя подруга как раз ищет работу, и она идеально подходит под условия, которые вы описали, еще лучше, чем я. Она может приступить к работе, как только вы скажете, даже не десятого, а раньше. Скажем, уже с понедельника.

Селеста отвернулась, видимо, мои округлившиеся глаза и протестующее скривленный рот мешали ей убедительно врать, и затараторила дальше, расписывая мои реальные и мнимые достоинства.

– Вы крайне не вовремя упали с лестницы, пани Отс, – наконец, выдала трубка, – но если ваша подруга так хороша, как вы расписываете...

– Вы можете сами с ней побеседовать, – заявила Селеста, – и убедитесь, что все в порядке.

– Некогда мне перезванивать, – рявкнула трубка.

Он, видно, не догадывался, что я сижу рядом. Я сжалась. Да от такого тона я не вспомню, как меня зовут! Мне представился человек с бульдожьей мордой и цепко сжатыми челюстями... Надеюсь, его мама не будет столь грозной. Все ж-таки цветочки любит...

– Так что, я передаю контракт ей? – скорее подтвердила, чем спросила Селеста.

– ... Да. Хоть пару слов, что за человек, почему она ищет работу, да еще в другом городе.

Видимо, мой взгляд прожигал Селесте затылок, поскольку она вскочила и, не переставая говорить, отошла к окну.

– Ладно, – вынесла вердикт трубка, – пусть приезжает к моему поверенному в понедельник. Надеюсь, она будет осторожнее на лестницах, в Спишнево их в избытке.

Бряк.

Сияющая Селеста повернулась ко мне:

– Готово!

– «Вполне себе милый»? – припечатала я.

Подруга пожала плечами:

– Не знаю, может, встал не с той ноги. В последний раз мы нормально пообщались.

– А я? Про меня-то ты зачем наговорила чепухи?

– Слегка преувеличила, – поправила меня Селеста.

– Сорок пять лет?

– Он говорил, что хочет солидную женщину.

– Опыт работы в питомнике? Да я розу от пиона не отличу, а ты отправляешь меня на цветочную ферму?

Но Селесту было не прошибить:

– Расслабься, ты думаешь, хозяйюшка допустит тебя к саженцам? Нет, ты, моя милая, будешь обычной рабочей лошадкой: подай, принеси, вскопай клумбы, насыпь компоста. Тут ни в чем и разбираться не надо. Зато представь: простор, свежий воздух, красота вокруг – это тебе не посылки в подвале сортировать!

– Все равно странно. Если работа тяжелая, приехал бы заботливый сынок, да сам бы и помог маме, тем более, если у них отец недавно умер. Так, стоп... Ты поэтому заявила, что я – вдова? Чтобы он проникся сочувствием?

Но Селесту сбить невозможно. Она лишь плечами пожала:

– Даже удивительно, что Клаусу удалось выжить после всего, что он натворил. Ви, это неважно.

– Да, а что важно, по-твоему? Что оправдывает твое красноречивое вранье?

– Двести злотых в месяц.

– Сколько? – я пролиставала контракт до нужного раздела и убедилась, что Селеста не врет. – За помощь на ферме? Нет, там точно сидит какая-нибудь карга, с которой никто связываться не хочет! Признайся, ты просто испугалась и теперь подсовываешь меня, как овцу на заклание!

Подруга только плечами пожала. Она всегда была достаточно авантюрой, чтобы решаться на рискованные затеи, а я – достаточно отчаянной, чтобы позволять себя в них впускать. Вот и сейчас, пока она дописывала мое имя, я не испытывала угрызений совести перед неведомым хозяином, который так щедро раскидывался деньгами. Скорее, я считала, сколько месяцев отделяет меня от заветной цели. Правда, контракт на полгода всего. И тут до меня дошло.

– Так, стоп! А чего ради ты вообще решила искать работу? Да еще в хуторе под Спишнево?

Селеста поерзала, потом решительно достала из ящика стола сигареты, прикурила и затянулась. Дым она выпускала колечками, что, как я знала, говорило о ее глубоком душевном смятении.

– Я подумывала разводиться с Юреком...

– Ты разводишься с Юреком? – я вцепилась в столешницу, так как на минуту мне показалось, что мир рушится.

Селеста и Юрек – идеальная пара, предмет зависти и восхищения всех наших друзей. И тут – развод?

Селеста поморщилась:

– Я не сказала, что развожусь. Я сказала, что подумывала о разводе. Мы тогда крепко поругались, я полезла искать инфу про цветы, чтоб успокоиться... И... Сама не знаю, что на меня нашло. Мне тоже стало интересно, почему помощнику хозяйке ее сын ищет не в городе и, например, не через агентство, как это принято и не через знакомых, как часто бывает. Потом мы заговорили о цветах, ну, ты знаешь, меня хлебом не корми, дай поделиться опытом! А тут раз – и уже контракт в почтовом ящике. Неудобно как-то отказывать. Человек же надеется, рассчитывает...

– А с Юреком-то вы помирились?

– Еще как! – воскликнула Селеста, – представляешь, он...

– Не надо!

– Ладно, – она надула губы, – но, в общем, ты поняла. Вот...

– Что ты делаешь?

– Вписываю твои данные. Сама посуди, двести злотых в месяц. Считаю, за полтора года, ну, за два, набираешь нужную сумму. Ты же не хочешь мыкаться с подработкой. Ви, послушай, если бы тебя брали в больницу или адвокатскую контору, я бы и не стала тебя уговаривать. Но здесь всего лишь – помощь в саду. Я же видела, у тебя все прекрасно получается!

Селеста была заядлой садовницей, и если сейчас мы сидели на кухне, а не в ее прекрасном саду, то лишь потому, что за окном продолжал нещадно лить дождь.

– Не нравится мне все это...

– Слушай, ты – не рабочая лошадка! Ты – маленький упрямый осел! Не будет тебя никто ни в чем проверять. Он сразу оговорил, что все, что требуется – хорошее воспитание, умение держать язык за зубами и любовь к цветам. Слышишь, любовь, а не знание!

– В этом он прав: чем меньше знаешь, тем проще любить..., – вздохнула я, вспомнив Клауса.

– В конце концов, – не унималась Селеста, – не получится, с тобой просто не продлят контракт.

Я еще раз пролистала документы. Вроде все четко, никакого подвоха. И в требованиях действительно ничего не сказано про знание садоводства. Обязанности, гм, ничего из перечисленного там особой квалификации не требовало: обработка почвы, копка ям, окучивание, полив, сезонная обрезка и прочее. Видимо, Селеста права, и ту часть работы, где требовалось знание ботаники и агротехники, хозяйка выполняет сама... Что ж, дорогая моя совесть, можешь успокоиться. Самозванкой мне себя чувствовать не придется, как в тот раз, когда Селеста отправила меня в загородное поместье официанткой на один банкет, а оказалось, что там ждали няню на год со знанием этикета и трех иностранных языков!

– А если этот, – я вновь заглянула в контракт, – пан Матс Тамм увидит, что я не справляюсь?

– Не увидит. В наш прошлый разговор он четко обозначил, что не собирается навещать ферму в ближайшие полгода.

– А где он сам-то живет?

– В Спишнево.

– И полгода не собирается приезжать к матери? Заботливый сын, ничего не скажешь.

Селеста лишь плечами пожала:

– Так часто бывает. Дети вырастают. Родители стареют. У каждого своя жизнь. Старики никому не нужны. Ой. Ну, то есть, я не про тебя, конечно, ты же вот как раз...

Она умолкла и поспешно затянулась новой сигаретой. Мало кто верил в мою затею. Одни считали, что вырваться самой – уже само по себе большое везение, а уж родителей забрать... Другие ворчали, что скоро переселенцев станет больше, чем коренных жителей, и мне надо быть благодарной за то, что меня саму не депортировали. Третьи считали, что никого я вызволять не собираюсь, а за любую, даже самую неприглядную работу берусь, чтобы пристыдить Клауса (собственно, так считала только его новая пассия). А я бы сейчас все отдала, чтобы мои родители были рядом. Я и отдам. Ровно три тысячи злотых, если, конечно, к моменту, когда я их найду, в законодательстве Восточной Федерации ничего не изменится.

Мысль о родителях стала решающей. Ладно. Теперь-то уж точно неудобно отказываться. Я же не садовницей нанимаюсь, всего лишь помощницей. В принципе, Селеста права, ее обман

вполне невинный. Вот только если в понедельник мне надо быть в Спишнево... Съездить попрощаться с Бланкой я уже не успею. Впрочем, что значит, попрощаться? Меня же, в конце концов, не на съедение злобной ведьме отправляют (по крайней мере, я очень на это надеюсь). Что ж, поеду, устроюсь, а уже оттуда позвоню Бланке, сделаю ей сюрприз.

– Решилась? – Селеста слишком давно меня знала, чтобы не заметить перемену в моем настроении.

– Да, но учти, если я буду звонить тебе в два часа ночи, чтобы расспросить, как ухаживать за рассадой, ты будешь мне отвечать долго и обстоятельно.

– Рассаду уже давно высадили, – фыркнула подруга. – Вперед, цветочная ферма ждет тебя!

2. За меня решает поверенный

Собралась я быстро. После того, как Клаус обманным путем вытурил меня из квартиры, куда я вложила все свои сбережения (отдавая их ему в руки, а не через банк, так что ничего не докажешь, сама дура, выдохнули и живем дальше), я не была обременена вещами. Конечно, переезжать из одного временного жилья на другое с единственным чемоданом и большим рюкзаком за плечами – не совсем то, чего я мечтала достичь к своим тридцати пяти годам, но чего уж теперь? Главное, что Бланка, моя гордость и отрада, учится на «отлично» в столичном вузе, получая государственную стипендию и уже имея предложение о стажировке в трех престижных фирмах, включая медицинский центр в Валновице. Собственно, за одно это я бы не стала метать дротики в плакат: когда-то Клаус согласился официально удочерить Бланку, благодаря чему она получила полноправное гражданство и возможность учиться. Так что, в отличие от меня, у дочки все сложилось чудесно. К тому же Тоби души в ней не чаёт, и недавно сделал предложение, и за судьбу моей девочки можно быть спокойной, а я могу обустривать свою.

Правда, Бланка периодически возмущалась несправедливым положением дел, но кто же знал, что все так обернется? По местным законам мы с Клаусом должны были прожить десять лет, чтобы Федерация и меня признала своей. А мы, отметив девятую годовщину грандиозным скандалом, развелись... Малодушно звучит, но я бы дотерпела, честно. Вот только Клаусу уж больно хотелось привести в дом новую пассию. А ведь когда, давным-давно, он на коленях умолял меня выйти за него, обрывал телефон, тратил безумные деньги на роскошные букеты, уговаривал моих родителей, друзей и даже кота, я и подумать не могла, как бесславно может закончиться такая история любви! Что ж, теперь я могу гордиться, что когда-то вызвала в мужчине бешеную страсть, заставившую его свернуть горы. Правда, когда взбираешься с тяжелым чемоданом на гору реальную, это почему-то слабо утешает!

Как и обещал мой будущий работодатель, лестниц в Спишнево оказалось предостаточно, потому что город был расположен на довольно крутых холмах. Чемодан застревал на ступеньках, выворачивался на длинной ручке и то и дело норовил садануть меня потертым боком по щиколоткам. Я тысячу раз пожалела, что не оставила его на вокзале, но победило суеверие. Если все срастется, то уезжать я буду с другого вокзала, и я словно отрезала себе пути к отступлению...

Останавливаясь на пролетах, чтобы перевести дух, я любовалась замком, который был виден почти отовсюду, и гадала, что ждет меня дальше. Конечно, я могла обнаружить на ферме старушку, которую потеря супруга сломила, и она не встает с постели, пока ее клумбы зарастают сорняками. Или меня встретит озлобившаяся из-за несправедливости судьбы бабка, которая будет мной помыкать и рывкать на меня похлеще своего сына. Но я привыкла верить в хорошее, и потому не ждала ничего. Просто надеялась, что пани Ханна Тамм окажется заурядной женщиной преклонных лет, которая будет рада компании и помощи.

– Пани Ханна будет рада компании и помощи, – подтвердил поверенный, когда мы расположились в его просторном кабинете. – К сожалению, обстоятельства не позволяют пану Матсу самому заботиться о матери, и он надеется, что вы сможете должным образом обеспечить эту заботу.

Что за обстоятельства у пана Матса, я спросить не рискнула. Возможно, они назывались «равнодушие» и «эгоизм», если вспомнить рывкающую трубку. А вот про пани Ханну решила уточнить, в заботе какого рода она больше всего нуждается.

– О, – улыбнулся мне поверенный, – пани Ханна пребывает в добром здравии и ясном уме, если вы об этом. Скорее, ей нужна компаньонка, не сиделка, ну и помощь на ферме никто не отменял.

На этом он прервался, чтобы заполнить бумаги. Я уставилась в окно, чтобы скрыть беспокойство, но вопрос все же прозвучал:

– Позвольте, у вас гражданство Восточной Федерации?

– Да.

– Об этом не было упомянуто. А пан Матс одобрил?

Я заерзала. Эту строчку моего резюме Селеста предусмотрительно опустила в беседе.

– Но ведь помощь в саду не требует квалификации, – робко заметила я, и поверенный поджал губы.

– Значит, пан Матс не в курсе...

Он постучал карандашом по столу, полистал календарь, нахмурился.

– Что ж, пани Адер, в данный момент я не могу согласовать вопрос с паном Таммом, а хозяйку уже уведомили, что вы приедете. Значит, так... – он принялся что-то быстро пере-черкивать и дописывать в контракте, потом крикнул секретаря. – Вы отправляетесь на ферму с испытательным сроком на один месяц, если за это время вы проявите себя достойно, я как раз решу ваш вопрос с паном Матсом, и тогда, возможно, вы останетесь на новых, уже более надежных условиях. Но впредь рекомендую вам быть честной с теми, к кому вы нанимаетесь на работу!

С каждым словом, которое он словно впечатывал в стол, я все ниже опускала голову, изображая раскаяние, хотя на самом деле чувствовала лишь облегчение. По крайней мере, меня не выгнали сразу. Да я из кожи вон выпрыгну, чтобы убедить пани Ханну, что я – идеальный помощник. Выучу названия всех сортов! Просмотрю все самоучители по обращению с садовыми инструментами! Я...

– Позвольте, я вас отвезу в хутор? – прервал мои фантазии поверенный.

Я не успела удивиться столь резкому переходу от сурового тона к любезному, как он добавил, что доставка новой работницы входит в перечень его услуг, щедро оплаченных паном Матсом, и я умолкла. Зачем тогда спрашивал, если все оплачено? Да, милая, прозвучал у меня в голове ехидный голос Селесты, прошли времена, когда мужчины боролись за право покатать тебя на новеньких блестящих карах. С тех пор, как из юной красотки ты стала жалкой разведенкой средних лет, для мужчин ты теперь – невидимка, и если кто и усадит тебя в хромированную машину, то лишь за чужие деньги.

Я почувствовала смутное раздражение, но не в адрес поверенного, который был приторно предупредителен, а в адрес неведомого пана Тамма. Как легко он расставался с деньгами, которые для простых смертных зарабатывались потом и кровью! Ладно, насчет крови я, пожалуй, преувеличила, если не считать моей единственной попытки быть донором, которые закончились обмороком прямо посреди улицы.

Все-таки мир устроен несправедливо. Почему одним достается все, а другие вынуждены влачить жалкое существование, превращаясь в бледную копию себя настоящей – той, юной,

полной надежд и уверенности, что тебе покорится весь мир? Ладно, одернула я себя, тебя, дорогуша, просто выбил из колеи тот факт, что у поверенного галстук стоит дороже, чем все, что лежит у тебя в чемодане! Просто держись подальше от тех, кто по статусу тебя обскакал на пару ступенек, и все будет в порядке.

Подумав про ступеньки, я вспомнила про лестницы, по одной из которых мы, кстати, спускались. И фыркнула. Конечно, пан Матс разговаривал с Селестой грубо, но людей, которые умеют вворачивать иронию, пусть даже такую едкую, в разговор, я всегда уважала. Вспомнив Селесту, я вспомнила ее дурацкое убеждение, что все к лучшему. Сейчас приедем на ферму, и вот однажды я наберу корзину цветов и побегу, напевая, по дорожке. Меня увидит плечистый загорелый фермер, влюбится и увезет на тракторе в закат... М-да, если лучшим вариантом для решения своей жизненной ситуации я вижу исключительно новый брак, плохи мои дела! А самой, Ви, справиться никак?

Поверенный держался со мной безукоризненно вежливо. Ни одна морщинка брезгливости не омрачила его высокий лоб, когда он запихивал в багажник своего чистенького авто мой чемодан с обшарпанными углами. А когда он остановился перед автоматом, спросив, что мне взять в дорогу – воду или кофе, я оттаяла. Уверена, такая обходительность вряд ли включена в счет к пану Тамму. Просто мне попался вежливый человек, и даже мой маленький прокол с гражданством он уже простил! Я была твердо намерена расспросить поверенного больше о семье, в чьи владения меня везли: отчего умер хозяин, на сколь широкую ногу поставлено хозяйство на ферме, что за бизнес у пана Матса в городе. И тут меня неожиданно потянуло в сон, и проснувшись я лишь тогда, когда автомобиль съехал с шоссе на хуторскую дорогу. Я покосилась на поверенного, но он тактично сделал вид, что не заметил моего заспанного вида. А, может, и впрямь не заметил.

Хуторок мне понравился: чистенький, несмотря на недавний ливень, ухоженный, с коваными, под старину, ажурными уличными фонарями и цветными заборчиками. Склоны на свободной стороне улицы были усыпаны звездочками цветов на фоне молодой зелени, сочной и яркой, и я с наслаждением вдыхала тонкий аромат весны – аромат распускающейся природной красоты. Надо же, насколько позже в эти края приходит тепло!

Дома располагались здесь на внушительном расстоянии друг от друга. Их окружали, скорее, не дворы, а подворья, в основном, занятые под огород или делянки с ягодными кустами. Мне подумалось, что в моем новом положении есть неоспоримый плюс: я смогу объедаться свежими ягодами и фруктами прямо с ветвей! Конечно, если пройду испытательный срок и задержусь тут хотя бы до лета. Мы несколько раз сворачивали, и я заметила, что хозяева наверняка красуются друг перед другом, у кого интереснее выглядит дом. Строения были, в основном, одноэтажными и, по большей части, деревянными (зимы тут суровые, и в каменном доме сложнее поддерживать тепло), но отличались друг от друга и цветом черепицы на крышах, и искусно коваными флюгерами, и резными узорами ставень. Перед каждым крыльцом обязательно были разбиты клумбы, а если кто и держал домашнюю живность, то их сараи располагались на задних дворах. По крайней мере, никаких неприятных запахов мой нос не уловил.

За время езды по хутору нам встретился лишь один человек – старичок, ведущий под узды упитанную мохноногую лошаденку. Та была впряжена в телегу, укрытую рогожей, под которой угадывались округлые очертания. Дыни? Тыквы? Неужели они могут так долго храниться? Да, пробелов в знании сельской жизни мне не занимать, но сейчас меня это, скорее,

веселило, чем смущало. Чего я точно не боюсь, так это физической работы. Работать на свежем воздухе – это не полы мыть в прокуренной забегаловке паны Збышека! И не стоять по восемнадцать часов на ногах в сетевом супермаркете, выдавливая из себя «Вам помочь?» покупателям, которых к концу смены готов закидать гнилыми овощами (да-да, было и такое, не сам факт, конечно, а тайное желание).

Поверенный свернул на аллею, где кроны деревьев, покрытых свежей нежной зеленью, почти смыкались над головой, и вскоре остановил авто перед невысоким забором, украшенным причудливой резьбой и выкрашенным в жизнерадостный сиреневый цвет.

– Добро пожаловать на ферму «Лиллу», – сказал он, распахивая дверцу.

О, у моего нового пристанища еще и название есть! Вполне оправданное, если судить по тому, что и колодец, и скамейка, и наличники деревянных окон были выкрашены все в тот же сиреневый цвет. Когда нам навстречу вышла невысокая старушка, я окончательно успокоилась. Нет, у этой сухонькой пожилой пани в клетчатом до пола платье, выглядывающем из-под заношенного пальто, точно не будет бульдожьего голоса!

– Здравствуй, деточка, – приветливо сказала пани Ханна, протягивая мне тонкую руку, больше напоминавшую птичью лапку, и в мое сердце сразу вошло теплое ощущение родства...

3. За меня решает упрямство

Мои родители, и мама, и отец, были истинными представителями простого люда: ширококостные, пышнощекие и громогласные. Со временем я и сама должна была бы стать такой – дородной и шумной, и лишь ценой героических усилий я держала себя в форме. Впрочем, с момента, как я лишилась квартиры, мужа и работы одновременно, усилий прилагать уже не пришлось: из-за стресса и вечного недоедания я перестала набирать вес. Но оставалась при этом ярким представителем простонародья: не могла похвастаться ни изяществом, ни тонкими линиями черт. Даже когда я распускала пышные длинные волосы, которыми гордилась, то была похожа на жизнерадостную пейзажку, а вовсе не на утонченную даму со старых полотен. Ну, а в последнее время и вовсе перестала ощущать себя привлекательной (яростный натиск пана Збышека в подсобке, конечно, говорил об обратном, но упаси боже меня от таких «доказательств»!).

А пани Ханна была представителем совсем иной породы, чем я и мои славные предки Адер. Ее изящные движения и тонкие черты лица, пусть даже щедро изборожденного морщинами, скорее, подошли бы танцовщице или актрисе на пенсии, но никак не фермерше! Я невольно залюбовалась ею, так плавно она двигалась. Зато теперь было понятно, что помощница ей и впрямь необходима – я с трудом представила себе, как эта хрупкая старушка управляет с хозяйством одна. Впрочем, пока, насколько я успела заметить, ее ферма была намного меньше, чем те, которые я видела по пути.

Поверенный, представив нас друг другу, уехал, а пани Ханна провела меня в дом и, несмотря на мои слабые протесты, усадила пить чай, убеждая, что с дороги все, что нужно человеку – это чай со свежей сдобой! И уже откусив первый кусочек, я с ней согласилась! Пока я с аппетитом уплетала печенье, вкусное, но немного отдававшее каким-то парфюмерным привкусом, пани Ханна объяснила мне, в чем именно будет заключаться помощь, для которой меня позвали. В ее версии я становилась, скорее, компаньонкой: тяжелую мужскую работу выполнял по найму сосед, пан Густав, с работой по дому пани Ханна справлялась сама, а я нужна была для работы в саду и общения.

Потом хозяйка предложила показать поместье, но я попросила ее пару минут, чтобы позвонить дочке. Оказалось, пары минут будет недостаточно – в доме действовал лишь старинный телефон с подземным кабелем, а сигнал информера не ловил. Хозяйка указала на массивный аппарат, стоявший на столе, но я поняла, что в ее присутствии мне крайне затруднительно будет объяснить Бланке, как я попала на ферму.

Словно подслушав мои мысли, хозяйка сказала:

– Если вы все же хотите по информеру поговорить, то вон там, на холме берет сигнал. Вы молоденькая, резвая, отчего б и не прогуляться?

Я уверила ее, что быстро вернусь и, перейдя дорогу, вскарабкалась на холм. С него открывался очаровательный вид на поля, уже покрытые нежным пушком молодой зелени. Я убедилась, что сигнал есть и, набрав Бланку, быстро объяснила ей о переменах в своей жизни.

– Наконец-то узнаю свою маму, – засмеялась Бланка.

– Ты это о чем? – насторожилась я.

– О том, что к тебе вернулся вкус к приключениям. Нет, мам, я, правда, рада! Можно мы с Тоби тебя навестим на каникулах?

Я задумалась. Наверное, после часа пребывания на ферме преждевременно строить планы и узнавать у хозяйки про гостей.

- Посмотрим, родная, дай мне перевести дух и освоиться.
- Хорошо. Mam, я верю, ты справишься!

Мы поболтали еще немного, потом я отключила информер и, присев прямо на склоне, на ворох прошлогодней травы и веток, сбитых в один клубок (наверняка проделки ветра), стала смотреть на облака. Маленькая Бланка очень любила играть, выискивая облака причудливой формы и угадывая, на кого они похожи. Жаль, что эра летающих котов и черепашек закончилась! Но как же я умудрилась вырастить такую самостоятельную и умную дочь? Или это не моя заслуга, а стечение обстоятельств? В любом случае, я рада, что Бланка – такая, какая есть! Посидев буквально пару минут, я поняла, что теперь готова вникать в курс дела и вернулась к хозяйке.

– Здесь у меня аптекарский огород, – показала она на пространство под окном, обложенное камнями. Там – теплица: овощи мы... я... выращиваем только для еды, поэтому обхожусь малым.

Я заметила оговорку и, не удержавшись, ободряюще пожала ее пальцы. Пани Ханна вытерла краем платка одинокую слезу:

– Спасибо, деточка, все никак не привыкну, что Адуся нет... Он не очень любил возиться во дворе, все больше у себя в кабинете просиживал. Он ведь ученый был, биолог, а я все смеялась ему, что новый сорт не выведешь на бумаге, надо в сад выходить! Так... деревьев у нас немного, все больше для тени, хотя самое нужное есть – и яблоки, и груши, и вишни, и сливы. Мои семейные больше всего сливовое варенье любят.

Значит, кроме сына, у хозяйки есть еще родственники? Я не стала пока об этом спрашивать, все-таки неудобно. Со временем и так все выяснится. А пани Ханна повела меня дальше по дорожке, показывая сараи, где хранились инструменты и рассказывая, какую хитроумную систему полива придумал ее Адуся.

– Значит, вы занимаетесь больше всего с цветами? – спросила я ее.

По небольшим зеленым кустикам мне сложно было понять, какая красота вырастет из них через месяц. Пани Ханна улыбнулась:

– Да, цветы я очень люблю, но выращиваю лишь те, что нужны для... Впрочем, я не с того начала. Пойдем!

Мы обогнули дом, и моим глазам открылось поле, засаженное кустами с острыми серебристо-серыми листьями, колышущееся под легким ветерком и уходящее к горизонту. А я-то, наивная, думала, какая ферма маленькая!

– Что это?

– Лаванда, – улыбнулась хозяйка, – главное дело моей жизни, и главное занятие, в котором мне нужна помощь! Конечно, в пору цветения здесь будет намного красивее, но ты мне нужна сейчас. Я запаздываю с сезонной обрезкой, и это пагубно может сказаться на цветах!

– А я думала, что лаванда в здешних местах не растет.

– Все так думали, – пани Ханна разгладила складки на фартуке, – а я, вот видишь, доказала всем обратное. Теперь ко мне со всей округи съезжаются.

– За свадебными букетами?

– И за букетами тоже. Но еще я делаю лавандовое масло, и мыло, и саше, и венки, да много всего. Печенье понравилось? Вон, – она махнула рукой в сторону, – специально несколько рядов кулинарной лаванды выращиваю. Ее даже в рестораны Спишнево заказывают. Я то и так свою лаванду ничем не обрабатываю, химией не травлю, но у того сорта еще и более тонкий вкус, сладковатый, с нотками цитруса. Ее нужно собирать в самом начале цветения, еще до того, как полностью раскроются цветы, иначе запах будет слишком сильным.

Я перевела дух. Целое поле лаванды? И справляться надо вдвоем?

– Не переживай, вчетвером вполне справимся, – улыбнулась пани Ханна, заметив мое смятение.

– Вчетвером? – опять уточнила я.

– Много лет мне помогают пан Густав с женой. Я отказалась от комбайна, он, конечно, быстрее справлялся, но без человеческих рук лаванда теряет свои свойства, становится словно неживой. Ну, мне так кажется.

Ага, поэтому лучше от зари до зари пахать на поле, чтобы счастливые невесты могли наслаждаться «живыми» букетами. Какая трогательная забота! Я, конечно, придержала язык. Во-первых, меня сюда позвали не для того, чтобы я озвучивала свое мнение. А, во-вторых, какая мне разница, каким именно способом мы будем срезать цветы, если количество злотых на моем счету будет расти? Объемы предстоящих работ меня все же пугали, тем более, пани Ханна засыпала меня подробностями о правильном уходе, обрезке, поливе и сборе лаванды, и я, естественно, ничего не запомнила и не поняла. Но не отступать же с позором?

Скрывая смятение, я опустила на колени и осторожно провела пальцами по хрупкой на вид веточке. Узкие листья легонько покалывали кожу.

– На розмарин чем-то похоже, – осенило меня.

– Неудивительно, они ведь родственники, – улыбнулось хозяйка.

Я недобрым словом помянула Селесту. Похоже, я на каждом шагу буду позориться, ведь каждый мой вопрос говорит о том, что в цветоводстве я – полный профан!

– Не переживай, деточка, – сказала вдруг пани Ханна, словно подслушав мои крамольные мысли, – всему тебя научу, все освоишь, все поймешь. Главное – это старание, а я вижу, тебе его не занимать!

Интересно, как она это видит? И, похоже, верит в меня больше, чем я сама. Уходя, я оглянулась. Неужели летом я увижу здесь фиолетовое море? Теперь понятно, почему ферма называется «Лилла» – хвала сиренево-фиолетовой гамме.

– А когда лаванда зацветет?

– В южных краях она начинает цвести в конце июня и почти до середины августа. У нас меньше. Лавандовый месяц – июль. Если повезет, и тепло продержится долго, то новые кусты зацветут второй раз – в сентябре, но это случается редко.

– И с чего начинать? – спросила я в спину пани Ханне.

Она развернулась, приставила козырьком руку к глазам, глядя на укатывающийся к западу шарик солнца.

– Погоду обещают ясную, так что завтра приступим к обрезке.

Когда мы шли обратно к дому, она продолжила объяснять про цветы. Оказывается, она выращивала не все подряд – лишь те цветы, что хорошо сочетались с лавандой в букетах. Астранция, клематис, лимониум, эустома. Господи, я даже не представляла, как выглядит все вышеперечисленное! И как я саженцы от сорняков отличу, когда начну грядки полоть?

– Если честно, – говорила хозяйка, – мне монобукеты больше нравятся, ну или, на крайний случай, в сочетании с колосками, но все любят разнообразие...

– А розы? С розами лаванда тоже сочетается? – я как раз налетела на колючий куст и обрадовалась, что хоть одно растение смогла распознать.

– Смотрится красиво, но сочетание ароматов выходит слишком насыщенное. От такого букета через пару часов может голова разболеться.

Я вздохнула. То есть, мне еще и искусство флористики придется осваивать? С одной стороны, мне было интересно узнать о совершенно новом деле, да еще связанном с такой красотой. С другой, я все больше чувствовала себя самозванкой. Чтобы помыть полы или тарелки – особого умения не надо, да и работу официантки я освоила достаточно быстро, пусть по первой и путала названия блюд. Но здесь... Земля и все, что на ней растет – живое, она не потерпит фальши. Я вспомнила слова Бланки и распрямила плечи. Нет, я не я буду, если не справлюсь! Я осторожно отцепила края шарфа от розовой ветки, и вслед за хозяйкой вернулась в дом.

4. За меня решает чувство самосохранения

Пани Ханна провела меня по коридору в небольшую комнатку. Я уже заметила, что убранство в ее доме было старомодным: добротная деревянная мебель, плетеные коврики на полу, и никакой техники – ни визора, ни комма, ни даже радио. И теперь я подумала, что если она такой приверженец старины, то меня ждут, прости господи, удобства во дворе, но хозяйка рассеяла мои сомнения, показав, что комнатка – смежная с крошечной, но настоящей ванной.

– Располагайся, отдыхай, если что нужно, спрашивай. Ужинать будем в шесть, – сказала она и, отметая мои предложения помочь с готовкой, ушла.

Я опустилась на кровать. Я чувствовала себя, скорее, гостьей, чем работницей, и не в первый раз подумала, что пани Ханна явно одинока и нуждается больше в собеседнице, чем в помощнице. В этом ее сын угадал – пожилой женщине приятнее будет общество другой женщины, чем компания великовозрастного, вечно занятого сына, который, наверное, слишком напоминает хозяйке ее покойного мужа. А напоминаний и так было предостаточно. Пока мы обходили двор и дом, хозяйка не уставала вспоминать, как ее Адусь при своем кабинетном образе жизни, был все же на все руки мастером. И отопление в доме сделал, чтобы не приходилось в каждой комнате камин растапливать, и мастерскую для «лавандовых дел» оборудовал, и новый способ просушки подсказал. Мне было очень жаль пани Ханну – чувствовалось, что ей очень не хватает мужа, и я прониклась сочувствием. На фоне чужого горя собственные сердечные проблемы казались совсем незначительными.

Мой темный, практичного шоколадного цвета чемодан в этой комнате выглядел чужеродным организмом. В четырех стенах торжествовало белое, розовое и кружевное, словно меня засунули в середину торта. Возможно, в гляцевых журналах подобный интерьер сочли бы очаровательно винтажным, но мне стало не по себе. Интересно, как отреагирует хозяйка, если я посвоевольничаю? Я прошла по комнате, аккуратно сгребая многочисленных фарфоровых пастушек и котиков, вязаные салфетки и крошечные ароматные саше в форме сердечек с вышитыми веточками лаванды. Поле меня впечатлило, но запах лаванды я не любила. Он считается успокаивающим и способствующим хорошему сну, но меня этот густой запах всегда будоражил, вызывая непонятную истому.

Потом я засунула все это добро в ящик тяжелого старинного комода. Поколебавшись немного, сняла с комода несколько фотографий в рамках и сунула их туда же. Если пани Ханна заметит, всегда смогу объяснить ей, что хотела облегчить ей переживания от утраты мужа. На самом же деле мне самой не было никакого удовольствия смотреть на незнакомые лица, на историю чужой, наверняка счастливой жизни – иной жизнь здесь на ферме, мне не представлялась.

Напоследок я бегло пересмотрела фото: внушительная компания родственников на фоне лавандовых зарослей, застолья, семейные постановочные портреты. Интересно, кто из этих

задных пухловатых мальчишек со сбитыми коленками и шербатыми улыбками вырос в сердитого пана Матса? И куда делась остальная родня, судя по фото, довольно многочисленная? Впрочем, сказала я себе, задвигая комод, меня это совершенно не касается. Я тоже никогда особо не любила афишировать свою семейную ситуацию...

Но на освободившееся место (под вышитой салфеткой дерево комода оказалось вытертым и тусклым) я все же поставила фотографию маленькой смеющейся Бланки и картонную коробку, расписанную цветами, где хранила памятные вещи и украшения (к сожалению, дешевую бижутерию, а не фамильные драгоценности, которые можно было бы продать и приблизиться к заветной сумме).

С изголовья кровати я решительно сгребла подушки и подушечки, также расшитые цветами, и убрала их в нижний ящик комода. Для сна довольно одной, а вся эта деревенская красота мне ни к чему. Ну вот, теперь комната стала более пригодна для житья! Вещи из чемодана и рюкзака я быстро рассовала по полкам в шкаф, с каждым занятым сантиметром укрепляясь в пространстве, убеждая себя, что задержусь тут надолго. Запоздало подумала, что своевольничать в комнате – не самое подходящее для того, чтобы завоевать расположение хозяйки, от решения которой зависела моя судьба, но, думаю, ей в моей комнате делать совершенно нечего – она явно из тех, чья природная деликатность не позволяет нарушать чужие границы.

Искупалась я с рекордной скоростью просто потому, что из крана текла только холодная вода! Нужно будет спросить у хозяйки, можно ли греть себе воду. Возможно, здесь, на севере, люди и закаленные, но я так долго не продержусь! Зато холод меня взбодрил и, наскоро переодевшись, я вновь отправилась в сад – до ужина еще оставалось время. По дороге приметил и груды ветоши у стены сарая, и плетеные корзины, разбросанные там и сям, и сорняки в клумбах. Присев, решительно выдернула своенравно расплзающийся сорняк. Надо же, все лишь недавно зазеленело, а эти дикари уже заполонили клумбы! Один куст, второй, третий. К моменту, как клумба закончилась, я поняла, что изрезала все пальцы. Ну, да, люди ведь для подобной работы перчатки придумали, черт! Досадую на собственную несообразительность, я поднялась, отряхнула землю с колен и двинулась за дом, чтобы вновь посмотреть на лавандовое поле.

Солнце клонилось к западу и заливало все вокруг теплым медовым светом. Кусты нежно серебрились под закатными лучами. Мир купался в этой дымке, и меня охватил детский восторг. Я воровато оглянулась и побежала по проходу между кустами. Приплясывала. Кружилась, раскинув руки. Разве что не пела. Как же здесь красиво! Как здорово! Пару раз пробежавшись туда и обратно, я остановилась, переводя дух. Неужели мне, наконец-то, повезло? Я чувствовала, что мне будет хорошо в этом месте, где царствовали цветы и птицы!

Через пару дней я уже так не думала... После работ в саду у меня ныли все мышцы, даже те, о существовании которых я даже не подозревала. Неудивительно, что на разворотах календарей печатают мускулистых садовников! С такими нагрузками и я скоро мускулами обрасту! Пани Ханна смеялась, что скоро я привыкну, и боль пройдет. Нет, я не жаловалась ей, но она и сама видела, как я каждое утро еле-еле выползаю на поле, в то время как сама она резвой козочкой скакала от куста к кусту. Первые дни хозяйка внимательно следила за тем, как я орудую ножом. Потом, убедившись, что я поняла и освоила правила обрезки, выделила мне ряд для самостоятельной работы. Потом еще один и еще. И не было им конца. Но, как бы я ни уставала, я не позволяла жалеть себя, помня о том, что судьба моя еще не решена.

Впрочем, что касается пани Ханны, волноваться было не о чем – мы быстро нашли общий язык. Мне вообще было сложно представить, что этой милой старушке может кто-то не понравиться! А вот насчет ее сына я не была столь уверена... За пару недель, что я провела на ферме, он позвонил матери всего один раз – отследить это было несложно, так как именно мне выпало несчастье взять трубку старинного аппарата, украшавшего гостиную. Узнав «бульдожий» голос, я сгруппировалась и предельно вежливо ответила, что пани Ханна в саду, но если пан Матс наберется терпения и подождет пару минут, но я ее обязательно позову.

– А вы помощница? – спросил пан Матс, игнорируя мое предложение.

– Совершенно верно. Виола Адер к вашим услугам.

Блин, что я несу! Еще книксен осталось сделать, который он все равно не увидит!

– Вы должны быть не к моим услугам, – парировали в трубке, – а к услугам моей матери. Что вы делаете в доме, когда она в саду?

Я, конечно, понимала, что моему нанимателю будет интересно знать, как я справляюсь, но к такому допросу с пристрастием я оказалась не готова. Я теперь что, должна ходить за хозяйкой, как Мисти, ее кошка? А что, если я, например, в дом отлучилась по малой нужде? Так и сказать, чтобы снять подозрение в том, что я отлыниваю от своих обязанностей? Но чувство самосохранения победило. Боюсь, пан Матс мою откровенность не оценил бы!

– Мы обе были в саду, – подчеркнула я, – но на телефонный звонок пошла отвечать я, чтобы ваша матушка лишней раз не утруждала себя и не ходила туда-обратно зря.

– А что, вы уже настолько освоились, пани Виола, что раздаете номер своим знакомым? – насмешливо осведомился пан Матс. – Или вам сложно понять, что раз звонит телефон, а не комм, то услышать захотят именно пани Ханну, а не Вас?

Я недоуменно оторвала трубку от уха и потрясла ею. Что за мастер на пустом месте раздувать проблему? Или он специально ищет повод, чтобы меня подловить и отказать от места? Точно, так и есть! Месяц на исходе, и пан Матс, должно быть, не желает терпеть на ферме переселенку! Я растянула губы в старательную улыбку и ответила так любезно, что, кажется, елей по трубке потек:

– Если Вы желаете поговорить с вашей матушкой, пан Тамм, то я тотчас же ее приглашу!

И, не дожидаясь ответа, положила трубку на стол и опрометью бросилась в сад. Уже потом сообразила, что о его решении на мой счет я ничего не узнала. Или лучше не нарываться?

Яростно кромсая ножом кусты, чтобы придать им нужную форму, я представляла, что это – шея пана Матса. Как у такого божьего одуванчика, как хозяйка, мог вырасти такой несносный сынок? Нет, можно только порадоваться, что он не навещает ферму (хотя по отношению к пани Ханне это несправедливо) и мне не приходится с ним сталкиваться! Иначе, боюсь, меня бы ненадолго хватило! Как же за тот год, что я перехожу с места на место, мне осточертели любезные улыбки и смиренные ответы в адрес моих бесконечных хозяев! Как мне надоело чувствовать себя зависимой от чужого настроения!

Я поняла, почему мне понравилось на ферме, не считая уединения и расцветающей природной красоты вокруг: пани Ханна нагружала меня работой от души, но никогда не обращалась со мной, как с человеком второго сорта! Никогда не давала понять, что раз уж она мне платит, то я в чем-то хуже ее. И всегда была доброй. Да что там, я словно оттаяла сердцем, вспомнила, что люди могут быть приветливыми и радушными. А разговор с паном Матсом мгновенно вернул меня в суровую реальность, где я – никто...

Тем временем, хозяйка вернулась в сад, и я ее не узнала: морщинистое лицо разгладилось и засияло нежным светом, а в глазах, в которых прежде таилась печаль, зажглись яркие огоньки. Это только укрепило мою неприязнь к пану Матсу. Уж если старушке так мало надо для счастья, мог бы и чаще ей звонить! Заботливый сынок!

– Матти сказал, что на днях придет поверенный, – сказала пани Ханна, и я замерла, – там нужно что-то подписать, чтобы ты осталась дальше.

Я перевела дух. Значит, все решено? Интересно, спрашивал ли пан Матс у матери обо мне, или просто решил, что искать нового человека хлопотно и накладно, ведь начался сезон? Но спрашивать об этом у хозяйки я не рискнула. Главное, что меня оставили!

5. За меня решает любопытство

Только поставив подпись под новым контрактом – теперь уже на полгода, я поняла, в каком напряжении жила все это время. Теперь можно было расслабиться и наслаждаться своим новым статусом – полноправного работника лавандовой фермы. Полгода – это больше тысячи злотых, приближающих меня к цели. А там, глядишь, Санта-Клаус принесет мне в качестве рождественского подарка какую-нибудь приятную весть. Правда, теперь я бы не стала доверять сказочному персонажу с именем реального негодяя, но, в любом случае, до конца года далеко. Главное, что сейчас я здесь!

А под «здесь» подразумевалось небо, перламутровое на рассвете и насыщенно-розовое на закате; неутомные птичьи трели и деловитое гудение пчел; одуряющие ароматы множества цветов; первая клубника прямо с куста и вкуснейшие пироги пани Ханны; редкие улыбки, которыми я обменивалась с хуторскими жителями, когда навещала местную лавочку; беззлобные шуточки пузатого пана Густава, верного помощника хозяйки; уютное мурлыканье Мисти (она еще не доверяла мне настолько, чтобы забираться ко мне на колени, но гладить себя уже позволяла). И бесконечные разговоры с хозяйкой...

Я уже смирилась с тем, что пани Ханна – не из молчунов, но мне это даже стало нравиться. Чем задумываться о своей жизни, я с удовольствием слушала про чужую. Конечно, большую часть времени она терпеливо учила меня всяким премудростям по уходу за цветами, а в свободное от этого время рассказывала о себе. Ее детство, оказывается, прошло в Провансе, в настоящем, хоть и запущенном замке, окруженном лавандовыми полями (вот откуда, оказывается, аристократичность манер и страсть к лаванде). Лавандой занимались несколько поколений ее семьи, и все были уверены, что когда-нибудь она возглавит семейное дело.

– Кто ж знал, что однажды туристический автобус сломается недалеко от нашего поместья, – засмеялась она. – И там окажется мой Адусь.

Того недолгого времени, что водитель разбирался с мотором, Адаму Тамму хватило, чтобы по уши влюбиться в юную красавицу, распеваящую песни на лавандовом поле. Он был настолько решителен, что уже через три месяца Ханна обнаружила себя на коленях перед грозным отцом, не желающим, чтобы его единственная дочь уезжала куда-то в другую страну, в суровый северный климат. Но любовь смела все преграды.

Теперь я поняла свое заблуждение насчет старых снимков – на ней была не «Лилла», а родительское поместье пани Ханны. Давно, впрочем, утраченное из-за неудачных финансовых махинаций ее отца. Все, что осталось – это фотографии и лавандовый альбом: растрепанная пухлая книга, которую любовно составляла для пани Ханны ее мать, когда узнала, что дочка хочет попробовать выращивать лаванду здесь, на севере Западной Федерации. С разрешения хозяйки я листала этот альбом, с удивлением и восторгом разглядывая многочисленные схемы, причудливые виньетки, выцветшие письма, заманчивые рецепты... Это был настоящий клад знаний! Но самое главное – это было воплощение материнской любви. Интересно, оценила бы Бланка подобный подарок от меня? Впрочем, что бы я могла ей передать в качестве знаний? В свои восемнадцать дочь гораздо умнее меня во всем, что касается жизненных целей и стремлений!

До цветения лаванды оставалось время, и мы теперь ее не трогали – она не требовала ни частого полива, ни подкормки. Кусты стали из серебристых ярко-зелеными, и благодаря

нашим стараниям приобрели красивую шарообразную форму. Я отправила пару фотографий Бланке, и она еще больше загорелась идеей меня навестить.

– Идеальное место для фотосессий, – загорелась она, – может, нам с Тоби в таком свадебную церемонию провести?

До этого Бланка упорствовала, что их просто распишут в ратуше, и я, втайне возликовав, пообещала прощупать почву. Но разговор с хозяйкой меня охолонул. Да, ее неоднократно спрашивали, можно ли проводить в поле фотосъемки и свадебные обряды, но ее подобное совершенно не привлекало. Как я поняла, пани Ханна не терпела присутствия большого скопления людей на своей территории. Да и вообще чужаков. Даже за лавандовым мылом, маслами и саше, которые она, оказывается, делала для продажи, раз в месяц приезжала хозяйка магазинчика из Спишнево и забирала все оптом. А потом наверняка перепродавала в тридорога.

– Вы могли бы открыть магазин онлайн, – предложила я, – я умею делать сайты. Хотите, вам сделаю?

Но пани Ханна мягко, но решительно отказалась. Для нее маленькое производство, уместившееся в «мастерской», было, скорее, невинным старческим развлечением, чем возможностью реальной прибыли. А ведь за букет с лавандой столичные невесты отваливали большие деньги, заказывая поставку из южного региона! Я грызла ногти от бессилия и зависти. Вот бы я развернулась, дай мне хозяйка возможность! Но пока мне давали в руки только садовые ножницы и ведра с водой (хозяйка не любила шланги и поливала все по старинке – ведрами из колодца).

– Окоротись, бизнес-вумен, – смеялась Селеста, когда я жаловалась ей, сидя на холме, куда, по-прежнему, уходила ловить сигнал информера. – Твоя коммерческая жилка – это собирательный образ из книг и сериалов. На деле, наверняка пришлось бы столкнуться с трудностями, о которых ты и не подозреваешь! Представляешь, подвыпившие гости на свадьбе начнут разбредаться по полю, топтать кусты, рвать цветы. Кошмар. Да после одной такой церемонии у вас поля не останется!

– Нууу, возможно, ты и права, – неохотно согласилась я, – но лавандовая ферма здесь – это такая редкость. Столько возможностей.

– Ви, – Селеста посерьезнела, – я понимаю, ты сейчас настроена заработать, как можно больше, но не лезь не в свое дело. Не тебе менять уклад, который складывался у Таммов десятилетиями. Тебе и так хорошо платят. Платят же? Деньги перевели за первый месяц?

– Перевели.

– Вот и радуйся. По крайней мере, в качестве дармовой рабочей силы никто тебя использовать не собирается. А все остальное – не твоего ума дело.

«Все остальное» было не только нежелание хозяйки пускать чужаков на свою территорию. К ней, за исключением пана Густава с женой вообще никто не приходил – ни соседи, ни коммивояжеры, которые, я видела, развозили по хутору товары, которых здесь было не достать. Даже за маслом и творогом на молочную ферму ходила я с корзинкой, хотя другим соседям молочник охотно развозил товары сам, прицепив к багажнику велосипеда небольшую деревянную тележку на колесах.

Создавалось ощущение, что пани Ханна живет в полной изоляции от остального хутора, и я не могла понять, почему. Она была милой, приветливой, меня встретила очень тепло, поучала терпеливо, на мои оплошности реагировала со сдержанными смешками. Но ни разу к ней на чаепитие не приходили поболтать соседские кумушки... В хуторе на мое появление

среагировали с любопытством, но я была слишком заурядной персоной, чтобы вызывать долгий интерес. На мои же осторожные попытки перевести разговор на хозяйку только пожимали плечами, чудачка, мол. Понятно, что никто мне, чужачке, бывшей здесь без году неделя, ничего рассказывать не собирался, и это только подогревало мой интерес.

Теперь я не удивлялась, почему пан Матс выбрал для матери помощницу не из местных – местные бы и не пошли. Не потому, что хозяйка была невыносимой, она была – просто чужой, хотя и прожила здесь почти всю жизнь. Даже затею с лавандой, давно уже успешную, здесь, как и раньше, считали причудой (при этом я пару раз видела в беседках на столах знакомые баночки с лавандовым вареньем).

За всем этим наверняка стояла какая-то история, и это подогревало мое любопытство. Селеста и здесь тщетно попыталась воззвать меня к разуму:

– Смотри, а то еще среди лавандовых кустов скелет раскопаешь. Или обнаружишь, что хозяйка отравила особо настырную соседку, добавив яда в варенье! Какое тебе дело до чужой семьи, Ви?

– Не знаю. Просто мне кажется несправедливым этот негласный бойкот с обеих сторон. Пани Ханна такая одинокая, мне кажется, поддержка близких ей бы не помешала. Она явно нуждается в обществе. Если бы она больше общалась с людьми, отвлеклась бы от своей утраты.

– Ты – ее общество, Ви, вот и отвлекай. А затею раскопать старые тайны оставь. Тем более, на деле все может оказаться весьма банальным. Сама знаешь, в провинции рассориться и стать врагами навеки – дело пяти минут. Хватит сорванного без спросу яблока с чужой ветки!

– Да, это точно, – согласилась я.

Но все же решила, что раз уж отмалчивается хозяйка, то от кого-нибудь я все равно узнаю, как собака пробежала между обитателями «Лиллы» и остальными хуторскими. Кто-нибудь, да проболтается...

6. За меня решает сбой связи

– Если жить прошлым, то нужно выбирать момент, когда ты был счастлив, – изрекла пани Ханна, перебирая странички лавандового альбома.

С утра похолодало, на весь день зарядил дождь, и мы остались дома. Я бы предпочла выспаться – мне тяжело давались ранние подъемы, но оставлять пани Ханну одну было неудобно, и теперь мы расположились в креслах у камина. Уютно потрескивали поленья, потихоньку мурлыкала Мисти, мерно тикали старинные часы на стене. Меня клонило в сон, может, поэтому я забыла, что не спрашиваю хозяйку о ее жизни – только жду, когда она сама рассказывает. И вопрос вырвался сам собой:

– И какое это время для Вас?

Она вздохнула, провела ладонью по выцветшей бархатной обложке и тихо сказала:

– Конечно, детство. В детстве ты веришь, что всемогущ, и что смерть никогда не коснется ни тебя, ни твоих близких.

Повисла тягостная тишина. Потом она добавила:

– В моей жизни было много счастливых моментов. Когда мы с Адусем скрестили руки у алтаря, когда я впервые заглянула в глаза Матти, когда узнала о рождении внуков. Когда расцвел первый куст лаванды... Но когда вырастешь, к любому из этих мгновений приешивается страх потери; страх, что жизнь накажет тебя за ошибки... А в детстве – в детстве ты неуязвим, и страх – лишь приправа к пирогу жизни, но она без привкуса горечи.

Теперь я понимала, почему время в домике Таммов словно остановилась. Тем сильнее было мое удивление, когда на следующее утро перед сиреневым забором остановилась белая машина с известным логотипом.

– Добрый день, хозяйка, – весело приветствовал меня молодой парень в фирменном комбинезоне цифровой компании, – ну, давай, показывай, куда подключать.

Я ничего не понимала и, извинившись, пошла за пани Ханной. Она спустилась с крыльца, вытирая руки о фартук, и не выказала ни тени удивления от того, что на ее территорию вторглись чужаки, воплощавшие цивилизацию.

– Только, пожалуйста, осторожнее, цветы мне не потопчите, – попросила она.

– Не переживайте, все сделаем в лучшем виде! – пообещал второй парень.

Так все и было, действовали они слаженно и аккуратно, но все равно я не выдержала и сбежала от шума инструментов и разговоров, заполненных профессиональным жаргоном. Я решительно ничего не понимала! Неужели за это время я так одичала, что теперь ревностнее, чем пани Ханна готова защищать ферму от нашествия современных благ? Неужели вместо тихих чаепитий на веранде нас теперь ждет бездумное времяпровождение у экрана визора, наполненное плохими новостями и тупыми сериалами. Я ведь сознательно отказалась от новостной ленты два года назад, чтобы не травмировать психику и не добавлять себе переживаний. Получала от родителей вести, живы-здоровы, и мне было того достаточно, а что там, на границе с Восточной Федерацией, и знать не желала.

Только сейчас я поняла, как права была пани Ханна, отгораживаясь от мира. На «Лилле» должны звучать старые шлягеры из граммофона, а не кислотные хиты... Впрочем, все объяснилось уже вечером. Рабочие уехали, получив с собой в качестве гостинца свежее печенье и баночки с лавандовым медом, а меня пани Ханна проводила в дом, где на столе обнаружился нет, даже, не визор, а самый новейший комм.

– Они мне все настроили, показали, – немного смущенно пояснила хозяйка, – но ты мне, деточка, все равно помоги.

– В чем именно? – я сказала это резче, чем хотела, и тут же прикусила язык.

Кто я такая, чтобы обсуждать с хозяйкой ее решения?

– Это Матти постарался. Мы теперь с ним сможем не только по телефону общаться, но и видеть друг друга! Вот, – она ткнула пальцем на ярлык комм-программки, – давай ему позвоним!

Я быстро вбила номер из телефонной книжки, которую пани Ханна уже открыла и отошла.

– Ну, привет, мать, – раздался бодрый (преувеличенно, как мне показалось) голос пана Матса.

Надо же, а бульдог и впрямь умеет быть милым! После нашей первой беседы мне пришлось звонить ему пару раз с насущными бытовыми вопросами, перед которыми терялась пани Ханна (например, сломался насос у колодца, и пану Густаву требовалась для него дорогостоящая деталь), и со мной он разговаривал вроде и вежливо, но очень холодно и словно торопился быстрее закончить разговор.

Я вышла из комнаты, тихо прикрыв дверь. Уселась в саду на качелях, посмотрела на дом. Надо же, он даже тарелку заказал бело-сиреневого цвета, чтобы на общем фоне дома она не выбивалась из общего стиля. Воплощение заботы, вот только за те два месяца, что я здесь, так и не нашел возможности мать навестить. А теперь, когда есть комм, можно вообще ограничиваться им. Судя по обрывкам разговора, он ссылаясь на крайнюю занятость и приезжать не обещал.

Устыдившись, что невольно подслушиваю, я встала и побрела к забору, по пути подбирая мелкий мусор, который оставили рабочие: то гайку, то обрезок провода... Интересно, почему он решил подключить комм именно сейчас, а не зимой, например, сразу, когда отец умер. Или еще раньше, чтоб с родителями общаться? Внезапно меня посетила догадка, от которой пересохло в горле. Это контроль... Пока мать жила сама или с дальней родственницей (которая поддерживала ее после похорон, как я случайно узнала) в этом не было нужды. Но потом появилась я. Чужачка, которая, возможно, плохо работает или лезет к матери с лишними идеями... Ох, зачем я продолжаю ее склонять к раскрутке лавандовых заказов! Интересно, жаловалась ли пани Ханна сыну на меня? Вроде это не в ее стиле, но кто знает? Вот сынок и решил взять ситуацию на контроль. Приезжать не хочет, но воочию сможет убедиться, что его матушка – бодра и здорова, что я не связываю ее цепями и не вымогаю фамильные секреты!

Никогда не была параноиком и не выдумывала себе страшные сценарии, что меня, собственно, и подвело, например, в случае с Клаусом. Но сейчас, в отношении пана Тамма, незримо управлявшего жизнью здесь из своего спишневского офиса, я испытывала какой-то суеверный страх. Глядишь, теперь и видеоотчеты с меня требовать станет! Покажи мол, как правильно черенковать розы или лущить цветки для лавандового масла! Представив себе, как я мямлю и краснею, будто школьница на экзамене, я развеселилась. Что за бред лезет мне в голову! Будет занятой бизнесмен тратить на меня время, чтобы проверить, как я справляюсь с домашними делами!

Когда я вернулась, пани Ханна сияла от счастья, и я устыдилась: видно же, что ей затея сына по душе. Я и сама всегда была рада общаться с Бланкой по видеосвязи, пока мой комм не приказал долго жить. Голос – это одно, но когда в разговоре ты видишь улыбку, лукавые

морщинки у глаз, мимику, знакомую с детства, от этого теплеет на сердце. Так что на этот раз похвалы сыну, которыми разлилась хозяйка, я поддержала искренне и от души! Взяв на заметку, что теперь же я и смогу общаться с Бланкой, на что тут же выпросила разрешения.

Я не учла одного: заботливый сын оберег себя от того, что нахальная работница тут же воспользуется коммом в личных целях: в настройках стояло ограничение – только одна учетная запись. Или у меня опять паранойя, и это всего лишь просчет настройщиков? Ладно, выйду на связь с номером пани Ханни и тогда уже объясню Бланке, в чем дело. Думаю, моим строгим наставлениям из детства не брать трубку, когда звонят незнакомцы, она давно уже не следует!

Комм расцветил нашу размеренную хуторскую жизнь новыми красками. Отчетов с меня никто не требовал, зато после бесед с сыном (пусть даже не ежедневных и коротеньких) пани Ханна повеселела и стала намного бодрее. Я же наслаждалась разговорами с Бланкой: она показала мне квартиру Тоби, куда недавно переехала (сюрприз, мама, сюрприз) и обновки, которых он ей накупил. Не могу сказать, что я была в восторге от того, что они съехались до свадьбы. И дело было вовсе не в приличиях, просто... Нет, я не смогла бы объяснить. Наверное, мне было трудно признать, что моя дочь повзрослела окончательно.

Однажды, не успели мы договорить, как вновь замигал значок вызова, и рука у меня сработала быстрее, чем голова. Пару минут мы с возникшим на экране незнакомцем пялились на друг на друга, потом он рявкнул:

– Кто вы такая, черт побери?

Мои мысли заметались, как испуганные выстрелом зайцы. Не требовалось особых усилий, чтобы понять, кого я имею честь лицезреть в два часа ночи! Мне захотелось втянуть голову в плечи и закрыть глаза руками, лишь бы не видеть этого тяжелого взгляда из-под гневно сведенных бровей. Поэтому я села, как можно прямее, откашлялась и максимально вежливо ответила:

– Доброго вечера, пан Тамм. Я – Виола, помощница вашей матери.

– Хороша будет с утра помощница, которая по ночам зависает в сети, – отвечивал мне пан Тамм. – Я установил комм для общения с матерью, а не для личных целей ее работницы...

Я вспыхнула.

– Если вы понимаете ценность разговоров с матерью, думаю, ничего страшного не увидите в том, что я пользуюсь вашим коммом, чтобы звонить дочери. И потом, пани Ханна разрешила мне...

– Дочери, значит? – его брови разгладились, но теперь уголок рта саркастически пополз вверх, – в два часа ночи? Нарушаете детский режим...

– Она взрослая...

Господи, да почему я вообще перед ним отчитываюсь! Великая проблема! Пару мгновений мы неприязненно разглядывали друг друга и молчали. Я не могла позволить себе роскошь выключить экран перед носом у собственного работодателя. Он, видимо, размышлял, есть ли смысл дальше удерживать в отчем доме нерадивую служанку... Странно, по голосу он казался намного старше, да и пани Ханне на вид уже под восемьдесят, и я была уверена, что пан Матс – мужчина в возрасте. Выглядел он, конечно, неважнецки, словно несколько дней пил, не просыхая: лицо опухло, глаза – в красных прожилках, щеки заросли неряшливой щетиной... Неудивительно, что он уже три дня не звонил матери. Но если я оценку его внешности провела мысленно, то он то же самое в мой адрес озвучить не постеснялся:

– Пани Отс обещала мне, что ее подруга, которую она так горячо рекомендовала, – он закатил глаза, будто бы вспоминая, и процитировал с издевкой, – «солидная пани сорока пяти лет». А я вижу особу, которая никак, извините, под эти характеристики не подходит. Я еще когда голос вас услышал, засомневался.

– Поверьте, на качестве моей помощи пани Ханне мой возраст никак не отражается!

– Так сколько же Вам?

Бестактность полная. Ну, ладно.

– Скоро тридцать шесть.

– И взрослая дочь. Которая живет отдельно и с которой можно общаться за полночь. Вы рано начали, пани Адер.

Я снова вспыхнула:

– Моя личная жизнь вас не касается!

– Касается, если это ложь, благодаря которой вы получили место в моем доме. А насчет вдовства – это тоже преувеличение вашей подруги?

Вдох-выдох.

– Нет, и прекратите задавать бестактные вопросы! Что касается комм, если вам так не нравится, поверьте, я больше не буду им пользоваться!

– Да, ладно уж, – вдруг опять переменялся он, – пользуйтесь...

Я перевела дух. Чем бы ни были вызваны эти перемены, для меня это – добрый знак, и моя маленькая провинность для пана Матса не повод, чтобы меня выставить за порог.

– А могу я..., – осенило меня, но в этот момент он качнулся так, что лицо заняло весь экран, и вырубил комм. Минуту я ошеломленно смотрела на серое мельтешение на экране, потом тоже нажала отбой. Ладно, вежливый вы наш, и вам тоже спокойной ночи. Даже удивительно, что у такой чуткой и предупредительной женщины, как пани Ханна, вырос такой невоспитанный сын! Должно быть, он из тех «хозяев жизни», которые считают, что их богатства и статуса довольно, чтобы искупить отсутствие хороших манер.

Отправляясь спать, я продолжала прокручивать в голове разговор. Мда, для первого впечатления неважнецки вышло. Если я намерена здесь удержаться после того, как истечет испытательный срок, надо было вести себя вежливее. Но он тоже хорош... Хамло невоспитанное! Несolidно я выгляжу, видите ли. Я плеснула в лицо холодной водой и замерла перед зеркалом. Согласитесь, для вечерней болтовни с дочерью странно было бы прихорашиваться. Поэтому, пользуясь тем, что пани Ханна уже спит, к комму я отправилась такой, какой готовилась ко сну. Пижамная бежевая майка на тонких кружевных бретелях; волосы, собранные цветастой резинкой в небрежный хвост, полное отсутствие макияжа (собственно, за месяц жизни на ферме я и так прекратила им пользоваться, разве что губы красила, отправляясь за покупками). Из-за постоянного пребывания на солнце нос и щеки обсыпало веснушками. В общем, я и на свой-то возраст сейчас не выглядела, скорее, сошла бы за подружку Бланки, а не за ее мать. Про «солидность» и говорить нечего. Теперь понятно, почему пан Матс так отреагировал, увидев меня на экране!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.